

Светлана Алешина

Жди неприятностей

*Часть сборника
Бег впереди паровоза (сборник)*

Светлана Алешина
Жди неприятностей
Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134699

Алешина С. В. Бег впереди паровоза. Жди неприятностей: Повести.: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-09646-9

Аннотация

«...Я увидела все еще жующего охранника, вышедшего к лестнице посмотреть, что же там происходит. Перехватив мой взгляд, он кивнул, и тут раздался еще один щелчок. Охранник, вскрикнув, упал навзничь. Я дернула дверь на себя, оставив только небольшую щель, чтобы видеть развитие событий.

По лестнице быстрым шагом спустились двое мужчин в темных джинсовых костюмах. У обоих на головах были черные вязаные шапочки, опущенные на лица. Сквозь прорези блестели только одни глаза. Идущий первым держал в поднятой руке пистолет, у второго была большая зеленая спортивная сумка.

Не отвлекаясь больше ни на что, они перешагнули через лежащего на полу охранника и вышли на улицу...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Светлана Алешина

Жди неприятностей

Глава 1

Я проснулась от неожиданного прикосновения чего-то противно-мокрого к губам. Открыла глаза, брезгливо сморщилась, отстранилась, ну а затем просто шарахнулась со своего матраса на пол. Наступила на мокрую тапочку, поскользнулась в луже, едва не грохнулась, шепотом выругалась и поняла, что так мне и надо. Не жилось тебе спокойно, Ольга Юрьевна? Ну так получай развлеченьице, радость моя!

Я, конечно, про китайский астрологический календарь слышала, и не один даже раз. Не знаю, чем руководствовались древние китайцы, называя годы и месяцы в честь самых разных животных, но за последнюю неделю у меня появилась веская причина назвать вот этот конкретный месяц собачьим, и никаким другим. Причем я вовсе не ругаюсь, еще чего! Он на самом деле такой. Собачий то есть.

Что самое приятное для одинокой девушки после пробуждения утречком? Правильно: не торопясь, поморгать на свет божий, не торопясь, потянуться, подумать о том, что больше спать не хочется, и затем, опять же не торопясь, сползти на пол. Это и есть самое обыкновенное девичье счастье.

А мне, как видно, счастья было не нужно, и вообще спокойно мне не жилось.

Тяжко вздохнув, я посмотрела на маленького щенка, желтого и плюшевого на вид, теперь, после подлого покушения на мою тапочку и на мой легкий девичий сон, спешно зарывающегося под мою же простыню. Это он меня разбудил своим мокрым носом.

– Мандарин, – простонала я, – не мог потерпеть двадцать минут? Молока не получишь!

Маленький шарпей с идиотским именем Мандарин, не слушая меня, зарывался все глубже. Выбравшись из тапочки, я нагнулась, запустила руку в постель и нащупала подлого проказника. Он недовольно заверещал и задергал лапами. Еще возмущаться будет, мерзавец!

Вытащив Мандарина наружу, я, держа его за шкурку на безопасном расстоянии от себя, зашлепала босыми ногами в коридор и закрыла щенка на кухне. Пусть ждет теперь, когда я освобожусь.

Сама я после этого подвига зашла в ванную. Вместо умывания мне сначала предстояло подтереть лужу и вымыть тапочку.

Классно, да? Вот так я теперь и живу.

Я вовсе не стала членом клуба любителей животных и не совсем еще сошла с ума, чтобы заводить себе собачку, словно мне скучно жить на свете. Просто я товарищ хороший. Верный, преданный и надежный. А кое-кто корыстно этим

пользуется. Я про Маринку.

Это она подобрала где-то на улице ничейного щенка, разглядела его импортную породу, назвала Мандарином и приволокла к себе домой. Ее коммунальные соседки ровно два дня кудахтали, сюсюкали и причмокивали над Мандарином, а потом поставили вопрос ребром. В результате Маринка пристала ко мне. Пристала – как не скажу что, – поклялась и побожилась, что будет приезжать каждый вечер и выгуливать своего – не скажу кого, – а потом видно будет...

Мне бы сразу уточнить, что она имела в виду под «видно будет», но я как-то не догадалась...

...Десять минут спустя, когда лужа была вытерта, тапочка повисла на веревочке, а я приняла наконец прохладный душ и восстановила душевное равновесие, началось время завтрака.

Описывать это издевательство я не стану. Кончились для Оли тихие вдумчивые завтраки. Достаточно будет сказать, что после приема пищи – по-иному и не назовешь – я успела-таки выскочить с Мандарином на улицу, и он сделал все свои дела не на мой пол, а под ничейный кустик.

Вот теперь Ольге Юрьевне можно было идти на работу и мечтать, что четвероногий квартирант дотерпит до вечера и воздержится от сюрпризов.

Ага, щас.

Пока я одевалась в коридоре и прислушивалась к суровому урчанию и постукиванию, доносившемуся с кухни – Ман-

дарин бился головой в закрытую дверь и пытался напугать ее, чтобы она открылась, – я подумала, что за эту жуткую неделю был только один просвет в моей грустной жизни. Позавчера Мандарин сумел откопать где-то навсегда потерянную левую зеленую босоножку. Он выволок ее в коридор и показал мне. Правда, он полностью измусолил ремешок, но зато вещь нашлась!

– Пока, Мандарин! – радостно крикнула я, отперев входную дверь.

Мандарин ответил мне жалобным поскуливанием: он уже знал, что на весь день остается один, и заранее огорчился этой перспективой.

– Вечером придет твоя законная хозяйка, – злорадно предупредила я его, – вот ей и будешь жаловаться, засранец! – подвела я итог и захлопнула за собой дверь.

Моя «Лада» стояла перед подъездом и ждала, когда я к ней подойду. Раньше я почему-то обижалась на ее склочный характер, но теперь ситуация изменилась и «Лада» ходила в явных фаворитах. Выезжая со двора, я не выдержала и пожаловалась ей:

– Надул прямо в тапочку, представляешь?! А когда я его выкинула из комнаты, он еще начал ругаться!

«Лада» достойно промолчала и даже не звякнула в ответ ни одной из своих железок.

А между прочим, Маринкины подарки мне одним Мандарином не исчерпывались.

Вот уже целую неделю я была вынуждена приходить домой с работы не раньше десяти вечера, а один раз меня даже не хотели пускать в свою собственную квартиру. И все потому, что найденный в недобрый час слюнявый Мандарин познакомил Маринку с Кириллом...

Я подъехала к зданию редакции за двадцать минут до начала рабочего дня. Это еще одно прибавление к моему тайному счету к Маринке. До появления в моей жизни плюшевого Мандарина я могла себе позволить расслабиться и немножко припоздниться – начальник все-таки. Но сейчас я вылетаю из дома как ошпаренная и мчусь на работу, словно там для меня сосредоточены все радости жизни. В общем так оно и есть, конечно, но поспать чуть-чуть подольше мне тоже нравится. Точнее нравилось.

В такую несусветную рань в редакции из всех сотрудников был только Ромка – наш воспитанник, курьер и мишень наших общих педагогических порывов. Ромка обучался компьютерному набору и так увлекся этим нелегким делом, что, когда я появилась у него за спиной, он даже не заметил моего присутствия. На экране его монитора азартно махали конечностями два противных уroda из игрушки «Mortal Combat».

– Сколько делаешь знаков в минуту? – рассеянно поинтересовалась я, проходя мимо него, и Ромка, тихо ойкнув, быстро нажал кнопку «Reset» на системном блоке. Компьютер начал перезагружаться, и игра пропала из поля зрения начальства. Меня то есть.

«Быстро научился реагировать», – подумала я и направилась к своему кабинету.

– Ольга Юрьевна! – бросился за мной Ромка, потрясая какими-то листами в руках.

– Почта? – спросила я, оборачиваясь.

– Нет, – радостно улыбаясь, ответил он, – у меня есть предложение для улучшения внешнего вида нашей газеты! – выпалил Ромка и подал мне отксерокопированные фотографии собак разных пород.

– Не надо, – я не удержалась и поморщилась от этого зрелища, – у нас серьезное издание и... и вообще я не люблю собак, – закончила я и спряталась в кабинете.

Бросив сумочку на столешницу, я достала сигареты из ящика стола и раздраженно закурила.

«Пора кончать с этим безобразием!» – подумала я и твердо решила сегодня объявить Маринке свой окончательный вердикт. Пусть выбирает: или Мандарин, или Кирилл. Ольга Юрьевна двоих уже не выдерживает.

С Кириллом, как я уже говорила, Маринку познакомил Мандарин. Случилось это способом простым и действенным, даже немножко романтичным. В один из двух дней, когда Мандарин жил еще с Маринкой, они вечером гуляли по улице, и несколько больших собак напугали их обоих. Подробности этой жуткой истории я не помню. Но, по словам Маринки, когда положение стало совершенно безнадежным – то ли она с Мандарином залезла на мусорный ящик, то ли

просто стала громко кричать и размахивать сумкой – второе вероятнее, – вдруг появился былинный чудо-богатырь по имени Кирилл и спас перепуганную красавицу вместе с ее сопливым щенком.

Вспоминая эти подробности, я не удержалась и зевнула. очень пикантная история и такая интересная! Все закончилось гулянием под луной с постоянной передачей Мандарина с рук на руки – он, видите ли, уснул-с, а Маринке нести его было тяжело-с. А самое любопытное то, что Маринка постеснялась вести Кирилла к себе в гости, хотя ей этого очень хотелось: он немножко пострадал в честном бою с собачьим племенем, что-то ему там испачкали и порвали. Маринке подумалось, что будет неудобным показывать, что она живет в коммуналке, и объяснять кавалеру, что вся толпа, которая выскочит в коридор из комнат им навстречу, – всего лишь соседи, а не ее родственники.

Когда Мандарин благополучно переселился жить ко мне на срок, обозначенный туманным выражением «там видно будет», Маринка, приезжая вечерами выгуливать этого паршивца, сообщила адрес своего местопребывания и Кириллу.

Маринка клялась и божилась, что Кирилл ее неправильно понял, но когда я однажды по ее просьбе пришла домой позже, чем обычно, то сначала не смогла отпереть дверь. Потом мне открыла растерянная Маринка и сказала:

– А, это ты...

Я ничего не смогла возразить на это ее наблюдение и про-

сто кивнула в ответ. Я вошла в прихожую и увидела выглядывавшего из комнаты высокого парня в темно-зеленом костюме. Он был приятен, не скрою: светловолосый, коротко стриженный, с заметной смешинкой в умных глазах. Как всегда, Маринка оттяпала себе очень лакомый кусочек.

– Здравствуйте, – улыбнулся мне парень и добавил поразительную вещь: – Марина и не говорила, что ждет гостей!

У меня непроизвольно приоткрылся рот от удивления, но, поймав умоляющий взгляд Маринки, я его тут же осторожно и прикрыла, ограничившись уклончивым покашливанием.

Вскоре Маринка пошла провожать Кирилла, взяв с собою Мандарина и накинув мою красную куртку: внезапно пошел дождик. К Кириллу должны были подкатить какие-то его друзья, и он собирался уехать с ними на их машине.

С того вечера так и повелось.

Маринка наобещала и поклялась мне, что она все объяснит Кириллу, как только зайдет разговор да представится случай, но все это продолжалось и продолжалось...

В редакции захлопали двери, слышались шаги и голоса. Я наострила уши. Слегка шаркаяще прошел на свое место Сергей Иванович Кряжимский, самый старший наш сотрудник. На нем, по сути дела, и держится газета, когда меня захватывает очередное дело или расследование. Впрочем, когда не захватывает – тоже, потому что он знает в издательском деле все и всех.

Я решила выйти и поздороваться с ним. Когда я вышла из

кабинета, в редакцию влетела запыхавшаяся Маринка.

– Привет! – крикнула она на ходу и схватила со своего стола электрический чайник. Маринка у нас курирует кофейный вопрос и, надо признаться, справляется с этим делом великолепно.

– Ты давно уже здесь? – спросила она меня, не останавливаясь и направляясь за водой.

– С утра, – вздохнула я, поздоровалась с Сергеем Ивановичем и вернулась к себе. Ну как вот сказать ей, чтобы забирала свою собачонку?

Я подошла к окну и выглянула на улицу. Ничего любопытного мне там не показали. Я зевнула и подумала, что начинаю уже подкисать: чего-то в жизни не хватало. Остренького, например. Приключения с Мандарином за остренькое я не считала. Если только за мокренькое.

– Знаешь, кого я вчера встретила? – раздался сзади Маринкин голос, и я от неожиданности вздрогнула. Надо же так задуматься, что уже не слышу, как дверь за спиной открывается! Так, пожалуй, можно и маньяка не заметить!

– Кого же? – недовольным голосом спросила я и почесала кончик носа, чтобы скрыть замешательство.

– Ирку Черемисину! – ответила она и, видя, что я не реагирую на это имя, пояснила: – Ну ты должна ее помнить, она училась вместе с тобой на одном курсе. Я с ней позже познакомилась у одних знакомых. Она тебя, между прочим, помнит, и очень хорошо. Ну, пигалица такая рыжая в очках?

– Нет, – призналась я и спросила на всякий случай: – И как она?

– Замуж пока не вышла, – высказала самое главное Маринка и быстро продолжила: – Мы с ней поговорили не очень долго, обеим было некогда. Она передавала тебе привет и приглашала зайти к себе на работу... Да помнишь ты ее, она мне рассказывала, что всегда на свои дни рождения готовила торт-суфле и вам всем так нравились эти торты, что ей ни кусочка не оставалось. Ну?!

– Что – ну? – улыбнулась я. – Конечно, я прекрасно помню эти торты. Кстати, у меня никогда не получались такие же.

– И у меня торт-суфле не получается, хоть тресни, – призналась Маринка, – хотя я делала его только один раз.

– И я тоже, – ответила я, и мы обе рассмеялись.

Ну и как тут Маринке отказать от квартиры? Ладно, потерплю еще чуть-чуть.

– Так вот, Ирка сейчас работает ведущим менеджером в фирме «Орифлейм»! Это на первом этаже «Материка», знаешь, где?

– Чем только филологи не занимаются! – удивилась я. – Некоторые еще и в газетах работают. И Ирине нравится ее работа?

– Еще бы! А какие у них крема, – закачала головой Маринка, – мама моя дорогая! Она нас приглашала к себе, обещала обслужить и нагрузить по полной программе. Я думаю, что тебе нужно идти прямо сейчас!

Маринка слегка нагнулась, наливая мне кофе, и поэтому не заметила моей реакции. А я, мягко говоря, немножко удивилась.

– А почему это я должна идти, а не ты, например? – осторожно спросила я.

– Она хочет поговорить о рекламе в нашей газете, а это только с тобой – раз, – сказала Маринка, пододвигая ближе ко мне сахарницу и снимая с нее крышку, – ты с ней лучше знакома, чем я, – два, и вообще, я считаю, что ты более опытная дама и сумеешь выбрать то, что нужно нам обеим, – три, – привела Маринка весьма серьезные доводы, и я задумалась.

«А почему, собственно, и нет? На улице вовсю бушует самое безобразное межсезонье, и если от него вовремя не прикрыться качественным кремом, то скоро будет и незаметно, что Маринка на целый год старше меня... К тому же срочной работы на сегодня нет, визитов запланированных – тоже...»

Я отвлеклась от мыслей и обратила внимание, что Маринка продолжает описывать невиданные ею самой чудеса пещеры моей знакомой.

– Оля, Оля, – чуть ли не постанывая, перечисляла она, – трехсоставная очищающая маска на основе экстрактов южноамериканского кактуса...

– С иголками? – сразу же заинтересовалась я.

– Что? – словно очнулась Маринка, остановившись на полуслове. – Что ты сказала?

— Ладно, ладно, — успокоила я ее, допивая кофе, — не могу сказать, что твои слова произвели на меня сильное впечатление, но почему бы и не прогуляться? Она там сейчас будет? ... Так вот и получилось, что, придя к себе на работу очень рано, я на ней долго и не задержалась.

Магазин-салон «Материк» располагался невдалеке от железнодорожного вокзала в двухэтажном здании, с плоской крышей и огромными окнами. Раньше здесь находилась студенческая столовая университета, теперь студенты если тут и бывали, то только по ошибке, потому что ничем съедобным в «Материке» не торговали. Зато продавали здесь все остальное.

В основном ассортименте здесь была мебель для квартир и офисов, отделочные материалы и одежда. Но если походить подольше и посмотреть повнимательней, то в каком-нибудь закутке можно было обнаружить и индийские благовония, и эротическую литературу. Короче говоря, салон работал по принципу: давайте ваши деньги, а товар мы вам подберем.

Вспомнив Маринкины объяснения, я подъехала на «Ладе» ко входу в магазин и поставила там свою металлическую подругу. Выйдя наружу, я, однако, не пошла в широко растворенные двери салона, а завернула за угол и направилась вдоль забора одного из корпусов университета к заднему двору.

Дорога была нормальной ширины для пешехода, но ес-

ли бы навстречу выехала какая-нибудь машина, мне пришлось бы прижаться к университетскому забору – высокой, когда-то помпезной ограде, но сейчас уже безнадежно проржавевшей, а кое-где и покосившейся.

Не успела я порадоваться мысли, что путь свободен, как сзади раздался короткий автомобильный сигнал. Я оглянулась и отшатнулась в сторону: белый «Москвич» подкрался ко мне так неслышно, как Маринка сегодня в кабинете. «Москвич», сбавляя скорость до минимума, дал мне возможность прижаться к забору.

Медленно проезжая мимо, шофер «Москвича» не показал мне свою наглую рожу: он был закрыт от меня тонированными стеклами автомобиля. Будучи, однако, девушкой общительной, я кивнула ему и поблагодарила за предупредительное отношение ко мне. А мог ведь и просто задавить.

Пропустив машину мимо себя, я пошла дальше. «Москвич» остановился в конце дорожки, напротив прохода к задней двери салона. Из машины никто не вышел. Гордо задрав нос, я уже молча промаршировала мимо, не глядя по сторонам, и, миновав раскрытые синие металлические ворота, прошла еще немного, толкнула дверь и вошла в салон «Материк», так сказать, с тыла.

«Орифлейм» располагался за белой не очень чистой дверью, сразу же у входа. Рядом с дверью находилась лестница, ведущая на второй этаж. Когда я к ней подошла, справа выскочил охранник в камуфляже – молодой мальчик лет во-

семнадцать.

– Вы к кому, девушка? – спросил он меня, что-то дожевывая на ходу.

– Мне – сюда, – кратко ответила я, показывая на блестящую рекламную этикетку «Орифлейма». Этим жестом я сама себе напомнила Виктора, нашего редакционного фотографа и самого величайшего молчуна на свете. Охранник, ничего не ответив, тут же ушел.

Постучавшись, я открыла дверь представительства «Орифлейм» и сразу же попала в стеклянно-пахучее царство косметики.

Офис был небольшой: пожалуй, даже немного поменьше моего кабинета. Все стены по периметру комнаты были уставлены прозрачными стеллажами с образцами товаров – огромное количество банок, баночек, пузырьков, пузыречков и туб. Посередине офиса стояли три придвинутых торцами друг к другу стола. В самом конце сидела в одиночестве Ирина Черемисина в больших очках и с умнейшим видом перекладывала каталоги. У нее за спиной белела дверца холодильника. Рядом с холодильником находилось закрытое жалюзи окно, выходящее во двор.

Подняв на меня глаза, Иринка моментально стряхнула с себя всю важность.

– Привет, Оль! – воскликнула она, вставая.

– Привет! У тебя сегодня день рождения? – спросила я ее, подходя ближе.

– Нет, – удивленно ответила Ирина.

– Значит, твоего знаменитого торта не будет, – притворно огорчившись, вздохнула я.

– Зато есть пиво и фисташки! – объявила Ирина. – Я здесь полноправная хозяйка, замечаний никто делать не будет. Ты пиво пьешь?

– Вот сейчас и посмотрим, – ответила я, и наш с нею старинный контакт наладился снова.

Я села рядом с нею за стол, Ирина, протянув руку, открыла дверцу холодильника и достала две бутылки «Балтики». Из-под стола появились два стеклянных стакана.

– А я видела, что ты идешь. Через окно, – улыбаясь, объявила Ирина. – Это был твой знакомый в машине? – вдруг спросила она.

Я непонимающе вытаращилась и покачала головой.

Она слегка покраснела.

– Я случайно выглянула и увидела, что тебе посигналил «Москвич»... – пояснила она.

Я фыркнула и просто не нашлась, что ответить.

Внезапно послышался какой-то грохот, словно уронили что-то тяжелое на втором этаже. Совершенно рефлекторно я подняла голову.

– Над нами бухгалтерия «Материка», – поморщившись, пояснила Ирина, – там постоянно или празднуют, или какие-то разборки учиняют.

– Всегда в первой половине дня и всегда с таким грохо-

том? – улыбнулась я.

– Ты знаешь, почти всегда, – ответила Ирина, наливая мне пиво в стакан, и мы, посмотрев друг на друга, рассмеялись. – У них там такой приятный директор, Андрюшей зовут, – вдруг мечтательно произнесла Ирина и подняла свой стакан. – Поехали?

– За него, что ли? – спросила я ее.

– Сначала за нашу встречу, – улыбнулась она.

Разборка на втором этаже тем временем, судя по доносившемуся оттуда аккомпанементу, входила в основную свою фазу. Там опять что-то уронили, потом пронзительно вскрикнула женщина и послышались два сухих щелчка. Подобные звуки я уже слыхала в своей жизни: слишком уж это было похоже на выстрелы.

Я переглянулась с Иринкой. Она равнодушно пожала плечами:

– Мы просто арендуем у них помещение, – объяснила она, – плевать, чем они там занимаются, хоть групповухой. Как тебе пиво?

– Нормальное, как и должно быть, – рассеянно ответила я ей.

Мысли мои уже были заняты совсем другим. Я продолжала прислушиваться к событиям наверху. Раздался громкий топот ног по лестнице.

– Ой, что-то там не то, Ирка, – сказала я, – давай посмотрим, а?

Мы подошли к двери. Осторожно, чтобы никого не задеть дверью и, разумеется, чтобы самой не получить ею же по лбу, я медленно отворила ее и выглянула наружу.

Я увидела все еще жующего охранника, вышедшего к лестнице посмотреть, что же там происходит. Перехватив мой взгляд, он кивнул, и тут раздался еще один щелчок. Охранник, вскрикнув, упал навзничь. Я дернула дверь на себя, оставив только небольшую щель, чтобы видеть развитие событий.

По лестнице быстрым шагом спустились двое мужчин в темных джинсовых костюмах. У обоих на головах были черные вязаные шапочки, опущенные на лица. Сквозь прорези блестяли только одни глаза. Идущий первым держал в поднятой руке пистолет, у второго была большая зеленая спортивная сумка.

Не отвлекаясь больше ни на что, они перешагнули через лежащего на полу охранника и вышли на улицу.

Я быстро вернулась в офис, прикрыв за собою дверь.

– Что там такое? – спросила стоящая тут же Ирина, удивленная моим видом.

– Не высовывайся, – коротко ответила я, схватила свою сумку и подошла к окну. Отогнув полосу жалюзи, я снова увидела тех двоих в масках. Они подбежали к знакомому мне «Москвичу» и сели в него. «Москвич» рванул с места и выехал со двора.

Расстегнув сумку, я выхватила свой сотовый и набрала но-

мер. Маринка оказалась на месте.

– Маринка, – прокричала я, – быстро Виктора к «Материку». Здесь вооруженный налет.

– А как же ты там?.. – собралась было Маринка развести по своему обыкновению охи да вздохи, но я уже отключилась.

– Как – налет? – пролепетала Ирина, потрясенно глядя на меня.

– Как в кино, – ответила я, – пошли посмотрим, они уже ушли.

Не дожидаясь ответа, я вышла в коридор и нагнулась над охранником. Сзади меня тяжело задышала Ирина.

– Господи, что же это, а? – простонала она. – Неужели убили?

– «Скорую» вызывай, быстро, – скомандовала я и медленно пошла по лестнице вверх.

Очутившись на площадке второго этажа, я заглянула в первую же приоткрытую дверь.

Эта была бухгалтерия «Материка», шум из которой я слышала несколько минут назад. Сейчас здесь царил переполох. Две женщины, причитая, толклись над сидевшим на диванчике молодым парнем. Одна из них – коротко стриженная ненатуральная блондинка, как мне показалось, средних лет и средней фигуры, но в мини, присела перед парнем на корточки и ваткой протирала его щеку. Вторая, примерно такого же возраста шатенка, но в более приличном для ее возраста

костюме, стояла сбоку от первой и вытирала парню вторую щеку.

Девушка, стоявшая около двери, громко кричала в телефонную трубку про ограбление. Увидев меня, она вскрикнула еще громче и схватилась за грудь.

– Ой, а вы к кому? Не работаем, не работаем! – визгливо выдала она и бросилась ко мне, явно собираясь вытолкнуть меня вон из комнаты, но остановилась в полушаге от меня, раскрыв рот.

Я молча отступила назад и вдруг почувствовала, как меня больно схватили сзади за правое плечо. Я оглянулась и увидела двоих мужчин в камуфляже и в черных масках на лицах. В руках у них были автоматы.

«Мамочка моя, – подумала я, – неужели они еще не все взяли и вернулись?!»

Глава 2

– Лицом к стене! – рывкнул мне стоящий ближе «камуфляжник» и рывком повернул меня и буквально швырнул на стену рядом с дверью в бухгалтерию.

Позади меня слышались топот и шарканье ног. Снова завизжала девушка, держащая трубку телефона, но на этот раз ее визг оборвался на верхней ноте, словно кто-то внезапно выключил звук этого громко-орательного устройства.

Я осторожно повернула голову вправо и краем глаза заметила среди толпы «камуфляжников» одного майора в обычной милицмейской форме.

«ОМОН!» – наконец-то догадалась я и повернулась к ним. На меня отреагировали мгновенно и опять повернули носом к стене. Хорошо еще, что не ударили прикладом.

– Не шевелиться, – проорал над ухом грубый голос, и я, вздохнув, решила послушаться. Сделать ничего я все равно не могла, а если Виктор не опоздает, то сумеет нащелкать несколько интересных кадров.

– Вы кто? А вы? Кто звонил? – слышала я вопросы, задаваемые резким голосом.

Прислушиваясь к нестройным ответам и командам по рации, я получила почти полное представление о том, что здесь произошло.

Значит, так. Полчаса назад менеджер первого торгового

зала позвонила и сообщила бухгалтеру, что два инспектора из КРУ сейчас идут к ней. Действительно, открылась дверь – и вошли два человека в масках. Находившийся в это время в бухгалтерии исполнительный директор «Материка» Крючков Андрей Николаевич попытался смело, отважно и глупо что-то предпринять, за что был бит одним из нападавших по лицу. Второй мужчина в маске в это время произвел из пистолета выстрел в потолок и еще один в стену над головой бухгалтера-кассира, и она без дополнительных напоминаний открыла сейф, в котором хранилась месячная выручка всего салона в размере почти тридцати тысяч долларов. После чего деньги переложили в зеленую сумку, и оба налетчика быстро удалились. На чем уехали бандиты, присутствующие здесь работники салона не видели. Всю эту полученную информацию, только в сжатом виде, майор прокричал в свою рацию и объявил операцию «Перехват».

– А это кто? – меня развернули лицом к комнате, и сперва я увидела перед собой майора и хорошо разглядела его. Он оказался толстым, плохо выбритым, и от него сильно пахло «Диролом», который майор жевал чуть ли не с остервенением, очевидно, этим упражнением увеличивая приток крови к головному мозгу, что должно было стимулировать его умственную деятельность.

Подняв глаза над фуражкой майора, огромная изогнутая тулья которой доходила мне до подбородка, я увидела у него за спиной честные лица работников бухгалтерии. Они почти

в один голос заявили, что первый раз меня видят. Между прочим, это было неправдой, видели они меня по меньшей мере второй раз – первый был, когда я открыла дверь и заглянула в бухгалтерию. Но путать показания бухгалтеров я не стала и проявила великодушие: им и так сегодня досталось.

– Вы кто? – пролаял мне в подбородок майор, и мне показалось, что он даже привстал на цыпочки, чтобы мне было слышнее.

– Бойкова Ольга Юрьевна, главный редактор газеты «Свидетель», – постаралась чеканно произнести я, но получилось это у меня как-то не очень внушительно.

– И что вы здесь делаете? – отнюдь не светским голосом поинтересовался майор. – Пишем репортажи по свежим следам, да? Только откуда этот след?

– Я зашла к подруге в «Орифлейм» на первом этаже, услышала шум и решила подняться...

– Едете с нами, короче, – пресек майор мои объяснения и повернулся ко мне своей низкой кормой.

– Основание? – воскликнула я.

– Газета «Свидетель», говорите? Вот и будете свидетелем, – отрезал он, не повернувшись, и мне показалось, что он даже немного повеселел от своей шутки. Вот бы и мне так научиться.

На улицу вывели меня и всех, кого нашли в бухгалтерии. «Скорая помощь» уже увезла незадачливого охранника, и

перед выходом стояли только два фургона «Газель» с рекламой итальянской минеральной воды на бортах и один «жигуленок» шестой модели.

Подходя к приветливо распахнутым дверцам ближайшей «Газели», я посмотрела вправо и заметила за забором университета Виктора. Действуя совершенно спокойно, словно вооруженные ограбления магазинов у нас в городе происходят каждый день, а главных редакторов пихают автоматом в спину в машину вообще по три раза в будние дни и по четыре в выходные, Виктор делал снимки, перемещаясь с места на место, выбирая удачные ракурсы.

Я махнула ему рукой и улыбнулась. Бравада, конечно, но положение у меня было глупейшим, и, наверное, в тот момент я пыталась показать, что и глупее видали.

Мой необдуманный жест заметил майор, шаркающий сади.

– Это еще что там за клоун?! – взревел он и, оттолкнув меня, рванул вперед. – Мужик, а ну давай сюда!

Что он подразумевал под этим «давай», мне было неясно, но его пятнистые ребятки, очевидно, прекрасно понимали язык своего шефа. Двое из них бросились к забору, собираясь преодолеть его с разбега. Одному из них это почти удалось. В этот момент Виктор сделал еще один кадр.

Что произошло дальше, мне досмотреть не дали, потому что подошла моя очередь загрузиться в «Газель». Получив два толчка: один грубоватый в спину, а другой мягкий по...

не скажу куда, я вскарабкалась по трем ступенькам и прильнула к окошку.

Прежде чем меня оттащили от него, я заметила, что двое омовцев через забор перелезли, но Виктора по ту сторону уже не было.

«Желаю вам искать его долго-долго, ребятки», – позлорадствовала я и, оберегая себя от дополнительных мужских прикосновений, сложила ручки на коленках и решила поиграть в паиньку, по крайней мере до тех пор, пока меня не привезут куда-нибудь.

Моими соседями справа и слева оказались разнесчастные работники бухгалтерии, а также молодой парень с подпорченной физиономией, сейчас я уже была в курсе, что это местный директор с благородной фамилией Крючков. Почему-то некстати вспомнились слова Иринки Черемисиной про него. От нечего делать я постаралась рассмотреть лицо побитого директора, но кроме лихой челочки и длинных ссадин на щеке не заметила ничего интересного.

Дверцы «Газели» захлопнулись с лязгом и стуком, сразу же стало сумрачно. Через полминуты машина вздрогнула и начала медленно выезжать. Я вздохнула и закрыла глаза, правильно сообразив, что в ближайшее время ничего достойного внимания не предвидится.

Оно, достойное моего внимания то есть, началось сразу же по приезде. Ехали мы не очень долго, вероятно, с полчасика, не больше.

Нас вытряхнули из этой душной металлической консервной банки, которую конструкторы наверняка задумывали как сравнительно комфортабельную кабину, но у них это получилось плохо. Потом, после быстрой маршировки по лестницам и коридорам, не знаю как другие, а я попала в малюсенький кабинетик.

Кроме стола, двух стульев и того самого майора, навалившегося грудью на стол и вместо «Дирола» перекатывающего в зубах сигарету, здесь больше не было никого и ничего. На столе была моя сумочка, полностью выпотрошенная и, я бы сказала, обלאпанная до неприличия. Среди моих вещей на столе притаился только один предмет, мне незнакомый – хрустальная пепельница, до краев заваленная окурками.

Майор сделал мне жест рукой в направлении стула, и я осторожно на него присела.

– Здоренко, – буркнул он.

Я молча кивнула и посмотрела в потолок.

Майор хмыкнул и раскрыл мое удостоверение.

– Так что же вы там делали в такое неудобное время, Ольга Юрьевна? – недовольным голосом спросил меня он, небрежно бросая удостоверение обратно на стол.

– Я вам уже говорила, – пожалала я плечами, – а что я делаю здесь, вы можете сказать?

– А это я вам уже ответил, – пояснил майор Здоренко, – ваши слова вызывают у меня вполне обоснованное сомнение в их правдивости. Я знаю, что представляет собой ваша га-

зетка, и слышал кое-что про вас конкретно. Такие лихие спецы, как вы, мадам, всегда имеют своих информаторов среди разного контингента. Я предполагаю, что вы могли заранее знать о готовившемся происшествии и пришли на место, чтобы набрать материалчику и потом тиснуть репортажик с места происшествия. Я угадал?

Я поймала себя на том, что мой рот открыт немного шире, чем это было прилично. Медленно прикрыв его, я спросила:

– Вы, конечно, разрешите позвонить моему адвокату? Кажется, я имею на это право.

– Импортных фильмов насмотрелись? – хмыкнул майор. – Законы надо знать лучше. Вы действительно имеете на это право, но только если дозвонитесь. Я не обязан обеспечивать вам этот звонок. К тому же пока у меня не работает телефон, ваш мобильник, кстати, тоже не пашет. Короче, что вам было известно об этом деле?

– Ни-че-го, – отчеканила я и, подумав, добавила, – во-обще!

Я постаралась, чтобы мой голос звучал категорично, и, кажется, у меня это получилось.

– Да ну? – снова хмыкнул мой недоверчивый собеседник и выпустил сигаретный дым в мою сторону. – А тот парень с фотоаппаратом, вы ему еще ручкой сделали, он вам тоже незнаком во-об-ще?

– Знаком, и очень даже хорошо, – скромно призналась я, – это наш редакционный фотограф. Я сама вызвала его

по сотовому из офиса «Орифлейма», как только поняла, что произошло. Он профессионал, и у него должны получиться неплохие фотографии... Например, о том, как меня сажают в ваш «воронок». Эта ваша дребезжащая машинешка ведь так называется, да?

Майор выпучил глаза и засопел, не находя, что бы такое сказать мне поглубже. Демонстрируя несомненную женскую интуицию, я растерянно пролепетала:

– Я что-то не то сделала? Мне кажется, это будет неплохой рекламой для вашей конторы...

Майор, не отвечая мне, схватил трубку якобы неработающего телефона, ткнул в него несколько раз толстым пальцем, потом выражение его лица изменилось, и он уже гораздо спокойнее положил трубку на место. Не говоря ни слова, майор не затушил, а замял свою сигарету в пепельнице и, сунув руку куда-то под крышку стола, достал новую.

Теперь он уже неотрывно смотрел на меня. Пока он прикуривал, я молчала, а потом робко спросила:

– А мне можно тоже закурить или здесь только мужской клуб?

– Курите, – буркнул он, подталкивая ко мне мои сигареты.

– Спасибо, – сердечно поблагодарила я его и воспользовалась разрешением, пока он не передумал.

В это время зазвонил стоящий на столе телефон, майор снял трубку.

– Здоренко, – произнес он, слегка поморщившись. Мне

кажется, я его поняла: это была не та фамилия, которую можно было без ущерба для дикции проговаривать каждый день.

Майор больше слушал и кивал, чем говорил, и когда он положил трубку на место, то хмурый взгляд его, направленный на меня, если и изменился, то малозаметно.

– Бандиты уехали на автомобиле «Москвич» белого цвета, – прорычал он, – его обнаружили за три квартала от магазина. Никаких отпечатков и никаких следов, твою мать!

– Она тут ни при чем, – робко возразила я, но Здоренко не оценил моего признания, он резко наклонился и схватил меня за затылок правой рукой. Я от неожиданности даже уронила сигарету на пол.

– Зато ты – при чем, редакторша, – прошипел он, дыша на меня нечистым воздухом, – твоя подружка с первого этажа подтвердила, что ты о чем-то переговорила с шофером этого «Москвича» буквально за пять минут до ограбления. Ну! Кто он?!

При последнем возгласе он резко дернул мою голову вперед.

– Негодяй! – решительно сказала я.

– Что?! – взревел майор, отпустил наконец-то мою голову и соскочил со своего стула, при этом он почти не изменился в росте. – Что ты сказала, кошелка драная?!

– Конечно, негодяй, – повторила я совершенно спокойным голосом. Не хватало еще, чтобы я нервничала из-за мужчины, совершенно не умеющего разговаривать с девуш-

ками. Еще чего! – Помимо того, что этот шоферюга подает звуковые сигналы без необходимости, – заявила я, – на его машине поставлены тонированные стекла, через которые не видно ничего. А это, кстати, строгойше запрещено правилами. Негодяй, одним словом, вот он кто.

Майор застыл, глядя на меня странным взглядом, направленным как бы вовнутрь. Такой взгляд, я замечала, иногда бывает у беременных женщин, но у служителей порядка он, очевидно, означает крайнюю степень задумчивости. Не иначе.

– Ты мне кончай тут кино показывать, – пригрозил он, медленно и аккуратно усаживаясь на место, – будешь умничать – расквасишься, и очень быстро. Колись давай, кто он такой!

– Понятия не имею, – ответила я, – он напугал меня своим сигналом, и я, помнится, просто обругала его за это, причем за стеклами я даже не разглядела, кто был в машине. Не знаю, мужчина там был или женщина, а может быть, два мужчины и три женщины. Не знаю. Кстати, Ирка Черемисина действительно вбила себе в голову, что я что-то там такое сказала. Ей это показалось, наверное, потому, что сама она в таких случаях предпочитает громко визжать.

На Ирку в тот момент я была очень зла. Мало того, что ей померещилась какая-то дичь, она еще начала усиленно ее пропагандировать. Причем аудиторию для этого она выбрала неудачную.

Майор откинулся назад на своем стуле и вперил в меня пристальный взгляд. Я села свободнее. Пусть смотрит, лишь бы руки не распускал. Вспомнив о сигарете, я покосилась на пол. Остаток сигареты дотлевал рядом с моей туфлей. Я вздохнула и решила, что пока курить не стоит. А вдруг ему понравилось выбивать у меня сигареты?

– Вы, Ольга Юрьевна, неоднократно проходите у нас по картотеке задержанных, – неожиданно спокойно произнес Здоренко, и я посмотрела на него с интересом: с чего бы это он вдруг помягчел?

– Мне это воспринимать как комплимент? – спросила я с надеждой.

– Это отягчающее обстоятельство при данных обстоятельствах, – брюзгливо объяснил Здоренко, – все ваше поведение говорит о какой-то вашей заинтересованности в этом деле. Появление фотографа только усугубляет это впечатление. В интересах следствия я вынужден потребовать пленку, и вы должны гарантировать, что, пока я не разрешу, фотографий в газете не появится. Возможно, на пленке получатся заснятыми необходимые подробности для проведения следственных мероприятий. Вам ясно?

– Даже не знаю, что вам сказать, – искренне огорчилась я, – дело в том, что чем дольше я здесь нахожусь, тем больше вероятность, что фотографии уже пошли в завтрашний номер. Это же сенсация, вы меня понимаете? – доверительно понизив голос, пояснила я.

– Вы сейчас же позвоните в редакцию и скажете, чтобы этого не делали, – заявил майор и подтолкнул ко мне ближе мой сотовый.

Я лениво покосилась на него и пальчиком отодвинула телефон обратно. Майор выпучил глаза.

– А что вы хотите? – спросила я и, уже не сомневаясь, взяла сигарету из своей пачки и прикурила ее от своей же зажигалки, тоже лежащей на столе. – Наша газета работает со специфическим материалом, и уже случалось всякое, и со мной в том числе. Я ни на что не намекаю, но мои люди поверят моим словам только в том случае, если увидят меня своими глазами...

Майор замолчал, и я получила возможность спокойно покурить несколько минут. Снова зазвонил его телефон, взяв трубку, он прослушал то, что ему сказали, и его лицо медленно стало покрываться красными пятнами.

– Сейчас же выезжаю, – прохрипел он и, положив трубку на место, застыл в потрясении. Я почему-то сразу подумала, что ему сообщили не о повышении в звании, но спрашивать об этом не рискнула.

– Сейчас мы едем в вашу контору, и вы отдаете мне пленку, после чего можете отдыхать. Будете мне нужны, я вас вызову, – быстро проговорил он, вставая со стула и надевая свою дурацкую фуражку.

Я подумала, что будет глупо спорить, и молча собрала в сумку свои вещички.

До редакции нас довели на знакомом мне «жигуленке» шестой модели. Помимо майора, в машину сели еще два омоновца, с автоматами и в неспущенных на глаза шапочках. В таком человеческом виде эти ребята производили даже почти приятное впечатление.

Редакция встретила меня со свитой осторожным молчанием. Сергей Иванович сидел на своем месте за компьютером. Он поднял на нас глаза, встретился со мной взглядом. Мы кивнули друг другу, и он снова уставился в монитор. Маринки вообще нигде не было видно, как, впрочем, и Виктора.

Ромка повел себя активнее. Он выскочил мне навстречу и доложил, что все в порядке. Я поблагодарила его и вошла в свой кабинет. Майор протопал за мной, его бойцы сунулись было следом, но он догадался оставить их за порогом.

Я прошла и села за стол, наклонилась, достала из ящика лист бумаги, авторучку и положила перед собой.

– Что это за херня? – поинтересовался Здоренко. – Пленка где?

– Через секунду после того, как вы напишете мне расписку на нее, вы ее и получите, – ответила я и нажала кнопку селектора.

Лицо Здоренко, и так не очень белое, приобрело багровый оттенок. Он раскрыл рот, чтобы ляпнуть какую-то грубость, но тут приоткрылась дверь, и в кабинет заглянул Сергей Иванович.

– Вам что здесь надо?! – заорал майор, оборачиваясь к

нему.

– Ольга Юрьевна, – игнорируя присутствие Здоренко, сказал Сергей Иванович, – я забыл вам передать, что Свиридов Георгий Петрович просил вас позвонить ему, как только вы вернетесь.

Сказав эту очевидную для майора Здоренко гадость, Сергей Иванович с невозмутимым выражением лица исчез за дверью. Генерал Свиридов, мой старинный знакомый, был начальником Тарасовского управления внутренних дел, и, разумеется, Здоренко не мог не знать фамилии своего самого главного начальника. Гамма расцветок лица майора Здоренко расширилась, багровый цвет начал медленно сменяться каким-то винегретно-зеленым. Это зрелище напомнило мне любимый мультик про Алису «Тайна третьей планеты».

«Хотите, я его ударю? Он станет фиолетовым в крапинку?» Не удержавшись, я улыбнулась и, чтобы скрыть это свое легкомыслие, опустила глаза. При этом я заметила, что все еще держу нажатой кнопку селектора. Так как на мой вызов никто не отозвался, то это могло означать одно из двух: или Виктор терпеливо ожидает, что я ему собираюсь наконец сказать, или его вообще нет в его камере.

Виктор – наш редакционный фотограф, великолепнейшая и колоритнейшая личность. Он бывший афганец, бывший спецназовец. Виктор – молчалив, верен и надежен. Как фотограф он профессионал, а как товарищ и телохранитель – просто выше всяческих похвал. Молчаливость Виктора – это

нечто неопишное и неслезанное, как о ней ни раскауи, все равно будет неправильно.

Вот и сейчас, поглядев на нажатую кнопку, я уточнила:

– Ты у себя, Виктор?

В ответ я услышала какой-то звук и привычно оценила его как ответ утвердительный. Не утруждая себя напряжением голосовых связок, то есть считая это абсолютно излишним, Виктор обычно что-то перекладывает у себя на столе, такими звуками и обозначая свое присутствие.

– Пленку уже проявил? – продолжила я и, услышав то же самое, уточнила: – Когда высохнет?

Тут Виктор вынужден был ответить, что он и сделал.

– Уже, – раздалось из селектора, и я, поблагодарив, отключилась.

– Я готова отдать вам эту пленку, разумеется, думая об интересах следствия, – миролюбиво сказала я майору, напрягшемуся так, словно он собрался прямо сейчас громко лопнуть, – но, поймите сами, пленка – вещь казенная, мне за нее нужно будет отчитываться в бухгалтерии..

Сказав эту чушь, я вовсе не намекала, что майор – дурак и я над ним издеваюсь, просто я предложила ему приемлемое объяснение, так сказать, для сохранения лица, и он меня прекрасно понял.

Тяжело вздохнув, майор ногой придвинул ближе к себе стул, сел на него и стал корябать ручкой по бумаге. Я снова вызвала Виктора и попросила его принести отснятую се-

годня во дворе «Материка» пленку. Толкнув мне расписку, майор взял из рук вошедшего Виктора пленку и, ничего не сказав, вышел. Тут только я почувствовала, как я устала, как мне все это надоело, как я хочу есть и как я хочу курить. Свободно откинувшись на спинку кресла, я достала сигарету из ящика стола, Виктор быстро поднес мне зажигалку.

В дверь кабинета вошли Сергей Иванович и Ромка.

– Ну что, Ольга Юрьевна? – сразу же с порога спросил Ромка.

– Нормально все, гражданин начальник, – я слабо махнула рукой, – а куда Маринка-то подевалась?

– Она позвонила секретарю Свиридова, когда Виктор рассказал, что тебя увезли. Сам генерал на каком-то совещании у губернатора, вот она туда сама и помчалась ловить его, – пояснил Сергей Иванович и тут же перешел к делам: – Про сегодняшнее ограбление дадим информашку в номер? Можно выкинуть из подвала статью про коррупцию в восьмой городской больнице и дать ее в следующем номере. Такой репортаж не прокиснет.

– Действительно, коррупцией сейчас никого не удивишь, а вооруженные ограбления – нечастое удовольствие для газетчиков, – согласилась я, – впрочем, и для читающих граждан тоже. Так и сделаем, – подвела итог я, и мы начали обсуждать подробности новой статьи.

Глава 3

Ненормальный, бешеный день заканчивался на удивление тихо и мирно. Маринка, перезвонив мне из областной администрации, не стала там дожидаться появления Свиридова и примчалась в редакцию. За ее замечательным кофе я еще раз честно пересказала все, что со мною произошло, а она по-дружески попереживала и поохала.

– Меня сегодня опять не пустят домой раньше десяти? – спросила я у нее, когда тема «Материка» была проработана до изнеможения.

Маринка слегка покраснела и отрицательно качнула головой.

– Нет. Кирилл предупредил меня, что у него сегодня может совсем не быть времени и если он придет, то очень ненадолго. Обещал позвонить, если сможет подойти... Кстати, до сих пор и не позвонил... – добавила она после краткой паузы, и мне показалось, что ее голос дрогнул.

Маринка, чтобы скрыть замешательство, взяла сигарету и отошла к окну.

– Что с вами, девушка? – спросила я ее с легкой иронией, но в общем-то, конечно, дружелюбно. – Уж не ревность ли печалит ваше юное сердце?

На меня напало немного игривое настроение. После кофе и всех надоевших разговоров захотелось слегка пошутить.

Маринка, не отвечая мне, продолжала молча курить и смотреть в окно.

– Маринка, не куксись! – окликнула я ее. – Быстро расскажи все мамочке, и мамочка тебя пожалеет. Чем, кстати, занимается твой Кирилл? В свободное от спасения девушек с собачками время?

– В фирме какой-то работает, – наконец-то ответила мне Маринка, пожав плечами, – я и не уточняла.

– Ну и зря, – не одобрила я, – по нынешним временам это очень даже важный вопросец... А кем он работает в этой своей фирме?

– Да не знаю я, – раздраженным голосом ответила Маринка, вернулась к столу и посмотрела на меня таким странным взглядом, что я даже слегка переполошилась, – не главное это, понимаешь: где работает, кем работает, сколько получает...

– Э, подруга, а ты случаем не того, а? – спросила я ее, придвигаясь ближе и понижая голос.

– Нет, не того, – еще более раздраженно ответила мне Маринка, – у нас даже и не было ничего. Постоянно ты думаешь о какой-то ерунде, – высказала она неожиданно, и я просто опешила от ее наглости и сразу же взбеленилась.

– А о чем я должна думать, если ты с ним каждый день сидишь взаперти по несколько часов, а мне, чтобы я не очень торопилась домой, подкинула слюнявого и наглого Мандарина вместо пугала? Вы с твоим Кириллом в крестики-но-

лики, что ли, там играете? И какой, интересно, счет? И в чью же пользу? Мне почему-то кажется, что все-таки в его, а не в твою.

Я бросила сигарету в пепельницу.

– Хотя, если судить по твоим последним словам, побеждает у вас дружба...

Маринка мне не ответила и даже изобразила на своем лице презрительную гордость по отношению к недотепе, сидящей напротив нее.

– Знаешь что, если сегодня меня пускают домой вовремя, – заметила я, немного помолчав, – давай устроим маленький сабантуйчик? Что-то давненько мы не собирались всей командой, а?

У Маринки загорелись глаза, и она тут же, стряхнув с себя романтическую одурь, плотно приземлилась на вторую по значимости после любви тему.

– Точно, Оль! Сделаем бисквит и пирожки, а Ромку откомандируем прямо сейчас картошку чистить...

– Картошка – это не та проблема, над которой нужно усиленно думать, – заметила я, – я вот считаю, что лучше не бисквит, а сладкий рулет с вареньем...

– И сухого вина пару бутылочек, – у Маринки разгорелись глазки еще больше, и она немного нерешительно добавила: – Или три.

– Сергей Иванович у нас займется этим делом, это его стихия, – я оставила за собой последнее слово, как начальник и

старший Маринкин товарищ, хоть я и младше ее по возрасту на целый год. Просто некоторые рождаются мудрыми... к сожалению.

Через полтора часа вся наша редакция собралась у меня дома. И первое, что я сделала, когда вошла в квартиру, это протянула Маринке тряпку и показала глазами на кухню. Не говоря ни слова, Маринка пошла выполнять свой долг хозяйки импортного, престижного, но писающего и какающего куда ни попадя щенка.

После наведения порядка она, так же молча взяв Мандарина в охапку, вынесла его на улицу, а я принялась спокойно хозяйничать на своей законной территории. Виктор принял-ся мне помогать, Ромка делал почти то же, только болтал без умолку, все вспоминая, как лихо Сергей Иванович напугал грозного майора. Сам же Кряжимский занялся более подходящим для самого старшего мужчины делом. Он поставил в гостиной стулья вокруг стола и включил телевизор.

Мой рулет уже пятнадцать минут как доходил до готовности в духовке, Маринка только-только вошла с цитрусовым мерзавцем, который, появившись в квартире, сразу же начал скандалить, прорываясь на кухню, и тут в коридор выглянул Сергей Иванович.

– Ольга Юрьевна, – возвестил он, – НТВ уже показывает в новостях про ваш любимый «Материк»! Не желаете ли посмотреть?

Оставив недоделанный салат на столе, я с криком «конеч-

но, хочу!» бросилась из кухни в гостиную. Маринка, швырнув Мандарина на руки Виктору, словно тому и делать больше было нечего, как успокаивать ее собаку, побежала за мной.

Сергей Иванович нажатием кнопки пульта дистанционного управления увеличил звук телевизора.

На фоне здания «Материка» незнакомый мне «наш специальный корреспондент» – молодой человек с перепуганными глазенками, – радуясь возможности из захолустья попасть на центральное телевидение, не жалел красок и эпитетов, описывая происшествие:

– ...забрали тридцать тысяч долларов и, тяжело ранив сотрудника секьюрити, успели ускользнуть от преследования. Брошенный ими автомобиль марки «Москвич» был найден уже буквально через полчаса после нападения. Но бандитам удалось скрыться... На этом история не закончилась, она имела неожиданное продолжение. Еще через час сторож одного дачного кооператива, расположенного почти в черте города, услышал выстрелы, раздававшиеся в одном из домов. Вызванный им наряд милиции обнаружил в доме два мужских трупа, рядом лежал пистолет «ТТ» и пустая спортивная сумка зеленого цвета. Согласно описанию и показаниям приглашенных работников магазина «Материк», это были бандиты, за два часа до этого совершившие беспрецедентное по своей наглости преступление. Таким образом, сами грабители явились жертвами нападения, окончившегося для них

весьма плачевно...

Дослушать мне не удалось. В этот момент на кухне что-то упало и раздался визг Мандарина. Мы с Маринкой, не сговариваясь, бросились туда.

Оказалось, что оставленный там Виктором на стуле Мандарин умудрился забраться на стол. Потом он залез в тарелку с моим незаконченным салатом и опрокинул ее на себя.

Я велела Маринке разобраться со своим зверинцем и вернулась в гостиную. По телевизору уже гнали следующий репортаж.

– Сергей Иванович, – подлетела я к Кряжимскому, – чем закончилось?

– Ищут, Ольга Юрьевна, ищут, – степенно ответил он, – сторож никого не видел, ничего больше не слышал. Но представитель УВД пообещал, как всегда, что будут проработаны все версии случившегося.

– То есть получается, что их самих застрелили, да? – спросила я. – Получается так, а что там на кухне гремело? – спросил Кряжимский.

– Мужайтесь, Сергей Иванович, – я прижала руки к груди и тяжело вздохнула, – Мандарин лишил нас салата.

– А ваш вкусный рулет он тоже съел? – спокойно спросил Кряжимский.

Хлопнув себя рукой по лбу, я побежала опять на кухню. Забытый в духовке рулет совсем уже было обиделся и собрался стать негром, но нашими с Маринкой объединенны-

ми усилиями он был спасен.

Внезапно возникшая вокруг Мандарина суета слегка подпортила ощущение праздничности, и, как это всегда бывает, вслед за испорченным настроением подкатили и невеселые мысли. Первой высказалась Маринка.

– И угораздило же тебя, Оль, попасть в этот гребаный магазин в такое неудобное время! – произнесла она драгоценную по значимости фразу. – Я, конечно, тоже виновата. Если бы я не настояла на этом дурацком турпоходе за косметикой, ничего бы и не было... может быть... Кстати, о косметике! – резко переменила тему Маринка. – Ты там прикупила что-нибудь?

– Мне кажется, она только об этом и думала, – согласно покачал головой Сергей Иванович, – тот краснорожий майор очень располагал к пользованию дезодорантами и освежителями воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.